

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 30 августа 1881
18 августа

Отдельные нумера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie** и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 нумера, съ доставкою на домъ во всѣ города Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 нумера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, **Eaux-Vives, Genève.**

СОДЕРЖАНИЕ:

1) По поводу изгнанія князя П. Крапоткина изъ предѣловъ Швейцаріи. — 2) Статскіе совѣтники публицистики. — 3) Историческая Польша и великорусская демократія, гл. II, *М. Драгоманова*. — 4) Письма о рабочемъ движеніи. — 5) Труды барона Николаи по народному просвѣщенію (*письмо изъ Петербурга*).

Женева, 29 августа.

Тяжелое впечатлѣніе на русскую эмиграцію произвелъ декретъ федеральнаго совѣта объ изгнаніи князя Петра Крапоткина изъ предѣловъ Швейцаріи. Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось влѣдствіе запрещенія женевскими властями расклеить по улицамъ прокламацію *шести* швейцарскихъ гражданъ, приглашавшую къ энергическому протесту противъ *антилиберальнаго*, какъ сказано въ прокламаціи, поступка федеральнаго совѣта, противъ „несправедливаго опредѣленія, сфабрикованнаго съ цѣлью ухаживанія за державами явно деспотическими.“ На сколько основательно такое предположеніе — трудно судить по немнѣшью положительнымъ даннымъ, да едвали оно и можетъ озабочивать иностранцевъ, весьма мало заинтересованныхъ въ достоинствѣ чужеземныхъ правительствъ. Для нихъ важны не мотивы, а самый фактъ отношенія правительства страны, гостепріимствомъ которой они пользуются, къ различнымъ отбѣнкамъ революціонной агитаціи. Лица, вынужденныя искать убѣжища особенно должны считаться съ этимъ фактомъ, такъ какъ въ Европѣ еще слишкомъ немного такихъ правительствъ, которые считаютъ своею священной обязанностію право независимаго государства давать убѣжище политическимъ изгнанникамъ охранять наравнѣ

съ конституціонными гарантіями свободы и личной неприкосновенности своихъ гражданъ.

Изъ опредѣленія федеральнаго совѣта по дѣлу князя Крапоткина явствуется, что швейцарское правительство отказывается на будущее время въ гостепріимствѣ лицамъ, призывающимъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ или публично восхваляющимъ такія дѣйствія противъ людей, облеченныхъ государственною властію, если этотъ призывъ или публичное провознесеніе похвальныхъ рѣчей имѣли мѣсто на швейцарской территоріи; оно считаетъ также обстоятельствомъ предосудительнымъ для достоинства свободныхъ учреждений страны, если подъ покровомъ этихъ учреждений кто либо пропагандируетъ употребленіе динамита и разрывныхъ бомбъ какъ средство для достиженія политической свободы и социальнаго переворота, т. е. освобожденія труда отъ гнета капитала.

Въ мѣстной печати мы покуда встречаемъ только одобреніе мѣры, принятой федеральнымъ совѣтомъ по отношенію къ князю Крапоткину, вмѣстѣ съ тѣмъ не слышно ни о какихъ, сколько нибудь имѣющихъ значеніе, протестахъ со стороны мѣстнаго общества, а потому полагаемъ, что образъ дѣйствія федеральнаго совѣта одобряется общественнымъ мнѣніемъ страны и находитъ сочувствіе во всѣхъ безъ исключенія политическихъ партіяхъ, изъ представителей которыхъ образуется личный составъ кантональных и федеральнаго правительствъ республики. Такое положеніе вещей весьма серьезно. Оно показываетъ, что швейцарскіе граждане не расположены видѣть въ террористическихъ приѣмахъ усвоеннаго цивилизованнымъ міромъ способа борьбы съ препятствіями къ достиженію политической и

социальной свободы, и что необходимость террора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, требуетъ *доказательствъ и оправданія*. Надъ этимъ пора бы призадуматься тѣмъ изъ причисляющихъ себя къ *революционнымъ* дѣятелямъ, которые не перестаютъ возводить политическій терроризмъ въ систему.

СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ ПУБЛИЦИСТИКИ.

Иностранцы, заключающіе лишь по внѣшнимъ признакамъ объ исходѣ борьбы русскаго общества съ правительственнымъ властью, часто впадаютъ въ ошибки, принимая вывѣшиваемые публицистами цѣта и кокарды за реальное выраженіе борющихся партій, а самихъ знаменопосцевъ за представителей этихъ партій или по меньшей мѣрѣ за уполномоченныхъ отъ различныхъ группъ населенія, обязанныхъ отстаивать интересы своихъ довѣрителей. Въ дѣйствительности пѣтъ ничего подобнаго. Наши періодическія изданія никакихъ общественныхъ группъ собою не представляютъ; никто никогда не давалъ имъ полномочій и не руководилъ ими. Составляя инкогнито предпріятіе единичныхъ частныхъ лицъ, даже гордящихся своею независимостію, они служатъ выраженіемъ личныхъ взглядовъ редакторовъ и издателей, которые изъ разсчета могутъ примѣняться къ современнымъ потребностямъ общества, но изъ того же разсчета могутъ принимать въ соображеніе только личные вкусы извѣстнаго круга читателей. При повальной безграмотности народныхъ массъ въ Россіи и еще болѣе влѣдствіе недоступности литературнаго языка пониманію огромнаго большинства населенія имперіи, кругъ читателей русскихъ газетъ и журналовъ весьма ограниченъ, составляя въ совокупности едвали десятую долю однихъ только привилегированныхъ сословій, и большинство этой десятой доли—слу-

жащие въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Поэтому въ спекулятивной погонѣ пздателей за вкусами читающей публики происходятъ забавныя эволюціи. Журналъ или газета рѣзко выступаетъ съ какими нибудь требованіями, разумѣется, во имя общаго блага, — и затѣмъ быстро стухивается, — начинается езозить передъ начальствомъ и пакидывается на отсталого собрата, продолжающаго тянуть старую пѣсню. Публика на время недоумѣваетъ, но такъ какъ это все таже мундирная публика, безпринципная по самому своему существу, то она сейчасъ же начинаетъ соображать, что вкусы измѣнились, вышла мода на иные вопросы, которыми пельзя не позаняться или, вѣрнѣе, не позаваться современному челоѣку. Какъ въ Парижѣ мѣняются названія хлыщей, перекрещиваемыхъ изъ кокодесовъ въ гомтеихъ, изъ этихъ послѣднихъ въ рагитѣхъ и т. д., такъ и наша мундирная публика читателей поспосится то съ однимъ, то съ другимъ изъ характерныхъ названій консерватора, либерала, западника, славянофила и проч., не придя къ разрѣшенію ни одного изъ изъ жпзненныхъ вопросовъ и не измѣнивъ ни въ чемъ своей внутренней безсодержательности. Какъ періодическая печать съ обществомъ, такъ и общество съ печатью взаимно соприкасаются не за дѣломъ, не въ общей работѣ и въ борьбѣ съ препятствіями къ развитію общественной самодѣтельности, а на почвѣ досуга. У насъ почти нѣтъ издатели крупной газеты, который неvyšелъ бы изъ чиновной среды, гдѣ, за занятіями, неимѣющими ничего общаго съ общественною самодѣтельностью, онъ провелъ большую часть жизни. Консервативныя „Московскія Вѣдомости“ арендуютъ статскій совѣтникъ Катковъ, во главѣ либеральныхъ „Русскихъ Вѣдомостей“ стоитъ статскій сов. Гиляровъ-Платоновъ. Статскій совѣтникъ Краевскій основалъ независимо отъ какой бы то ни было общественной группы газету „Голосъ“ и приобрѣлъ „Отечественныя Записки“, редактированіе которыхъ поручилъ дѣйствительному статскому совѣтнику Салтыкову. Отобразивъ отъ разпочинца Баймакова „Петербургскія Вѣдомости“ перешли въ арендное содержаніе къ отставному полковнику генеральнаго штаба Комарову, неизвѣстно почему не желающему переименоваться въ статскіе совѣтники. Щедротами Гинцбурга возникъ либеральнѣйшій „Порядокъ“ подъ управленіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стасюлевича и при сотрудничествѣ многихъ другихъ статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ. Плодъ маковского блуда, петербургскій „Верегъ“ рожденъ и похороненъ статскимъ совѣтникомъ Цитовичемъ. Если во главѣ московской „Руси“ стоитъ всего только надворный совѣтникъ Аксаковъ, то это потому, что почтенному славянофилу помѣшали возвыситься до V-го класса по табели о рангахъ какія то неприятели по службѣ. Наконецъ, вѣнецъ русскаго либерализма, — петербургская „Страна“, — въ рукахъ особы тоже V-ого класса, статскаго совѣтника Полонскаго.

Всѣ эти столпы нашей печати, кардиналы-ставленники разрѣшенной правительствомъ гласности представляютъ изъ себя весьма жалкую фигуру просто статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ не у дѣла. Они и отъ своихъ отстали и къ чужимъ не пристали. Они брюжатъ и поглядываютъ нескоса на существующій порядокъ вещей, но, воспитанные въ служебной дисциплинѣ, поступаютъ при этомъ такъ осторожно, что само же начальство жалуется избранныхъ звѣздою св. Станислава, чего удостоился въ бытность Лорисъ-Меликова министромъ внутреннихъ дѣлъ дѣйствит. ст. сов. Стасюлевичъ, а съ другими обращается какъ съ милыми шалунами, съ забавниками или просто шутами, безъ которыхъ нельзя обойтись высокопоставленному челоѣку. Дѣйств. ст. совѣтникъ Салтыковъ прошутилъ серьезнѣйшіе изъ вопросовъ личной безопасности и общественной самодѣтельности и до того вошелъ въ свою роль забавника, что во время производства обыска въ его квартирѣ комически шагаль по комнатамъ, заложивъ руки въ карманы и распѣвая во всю глотку „Боже царя храни!“ Протесты остальныхъ передовиковъ въ чинѣ статскаго совѣтника выходять еще забавнѣе. Экспрофессоръ Модестовъ, занявъ кончикъ розги, показанной „Новой Газетѣ“ оберъ блюстителемъ порядка графомъ Игнатьевымъ, поспѣшно бросаетъ съ апломбомъ начатое имъ дѣло, дѣло дѣйствительно почтенное — доказать обществу безсиліе правительства въ борьбѣ съ общинительною литературою, и думаетъ только о томъ, чтобы начальство не заподозрѣло „чистоты его намѣреній“.... „передъ богомъ и государемъ!“ Статскій совѣтникъ Полонскій, преисполненный чувства безпредѣльной признательности къ нынѣшнему министру внутреннихъ дѣлъ за то, что тотъ „дважды не утверждалъ представленныхъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати журналовъ о наложеніи (!) на „Страну“ 3-го предостереженія“, забормоталъ нѣчто совсѣмъ неслухное. Публика не безъ нѣкоторой гримасы прочла на дилхъ слѣдующую тираду нѣкогда либерально-хлесткаго составителя внутреннихъ обозрѣній въ „Отечественныхъ Запискахъ“:

„Въ помыслахъ либеральной печати нѣтъ ни малѣйшей враждебности и къ составу нынѣшней высшей администраціи. Либеральная печать отлично знаетъ, что въ Россіи можно дѣйствовать только словомъ убѣжденія, *обращеннымъ къ правительству*, что никакой другой фактической силы для продолженія дѣла преобразованій, *кромя силы правительства, основанной на полномъ доверіи къ нему народа*, въ Россіи нѣтъ“.

Такъ изъ за чего же вы хлопчете, господа статскіе совѣтники не у дѣла? Ваши помысленія по истинѣ чисты не только „передъ богомъ и государемъ“, но и передъ высшею администраціей, между которою и вами пробѣжала черная кошка „единственно по недоразумѣнію“, какъ сами же вы заявляете. Не уставайте кланяться и повиноваться — и всякое недоразумѣніе между вами исчезнетъ какъ дымъ, ваши жалобы будутъ услышаны и вы возсѣдете снова на лонѣ высшей администраціи, которая не отличаетъ

въ настоящее время своихъ истинныхъ сыновъ отъ пасынковъ. Только ничего этого не пужно для проведенія въ жизнь тѣхъ освободительныхъ началъ, которыми вы украшаете свои ардекинскія шапки. Весьма небольшая, но все таки существующая часть русскаго общества истинно либеральнаго направленія начинаетъ уже, хотя нѣсколько и поздно, судить о васъ по достоинству. Она никогда не ждала благъ отъ крапивнаго семени, а теперь ясно видитъ, что либеральная печать въ рукахъ статскихъ совѣтниковъ есть только пародія на либерализмъ и одинъ изъ главнѣйшихъ тормазовъ, задерживающихъ общественную самодѣтельность подъ опекою чиновничества. За это, а не за что другое, наша высшая администрація вѣшаетъ на васъ, гг. статскіе совѣтники, знаки отличія и жалуется васъ субсидіями и арендами казенныхъ изданій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

II.

Исторія каждаго народа обуславливается географіей страны, какую онъ занимаетъ, или иначе почвою, на какой онъ живетъ. Счастливы тѣ народы, которымъ довелось занять земли удобныя и такъ сказать удобопонятныя, т. е. такія, свойства и отношенія которыхъ легко понимаемы даже и тогда, когда народъ еще находится на невысокой степеніи развитія. Но бѣда тому народу, которому доведется жить въ странѣ, географическія свойства которой увлекаютъ его въ отношенія сложныя, справиться съ которыми можно только при высокомъ уровнѣ нравственнаго: при тонкости пониманія, настойчивости и послѣдовательности. Такія весьма „трудныя“ страны достались почти всемъ славянамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ, которые занимаютъ великую Восточную равнину Европы съ ея продолженіемъ на Западъ до нижней Эльбы: т. е. полякамъ, бѣлоруссамъ, украинцамъ и великоруссамъ. Равнинный характеръ страны манитъ ея жителей къ распространенію въ ширь. Нитями собирательными служатъ только рѣки, но такъ какъ онѣ переплетены въ своихъ притокахъ, то бассейны ихъ легко переходятъ одинъ въ другой, — и рубежи народовъ, ихъ населяющихъ, перепутываются между собою.

Взглянувъ на карту рѣкъ, горъ и болотъ вышеупомянутой страны, не трудно замѣтить, что она распадается на естественныя области именно по рѣчнымъ бассейнамъ: Одера и Вислы, Нѣмана, З. Двины, Днѣпра съ Днѣстромъ, Ладожскаго озера и Волги. Десять-одиннадцать вѣковъ тому назадъ мы видимъ здѣсь соотвѣтственное распредѣленіе племенъ: поляки на Одерѣ и въ значительной части на Вислѣ, литовцы на Нѣманѣ, кривичи (бѣлоруссы) на верхнемъ Днѣпрѣ съ верхней же Двиною, поляне (украинцы) съ родичами своими на среднемъ Днѣпрѣ съ

сосѣдними областями; въ ладожскомъ бассейнѣ, а также на верхней Окѣ сѣли славянскіе колонисты, которые, подвигаясь на югъ и на востокъ и смѣшиваясь съ разными финноалтайскими и туранскими племенами, образовали многочисленное племя великорусовъ. Линіи рѣкъ опредѣлили здѣсь и дороги международныхъ отношеній и ближайшихъ племенныхъ союзовъ: таковы: а) линія невиско-волжская, — новгородско-болгарская, — теперь петербургско-астраханская, б и в) Двинско и Нѣманско-Днѣпровская, — теперь рижско и Кенигсбергско-Кіевская, — д и е) Висла и Одеро-Днѣпровско-Днѣстровская, — теперь Данцигъ - Штетинъ - Варшава, Краковъ, Львовъ, — Одесса съ вѣтвью черезъ Брестъ, Пинскъ къ Кіеву и продолженіемъ на Галацъ. Уже находки новоперсидскихъ, арабскихъ, греческихъ, франкскихъ и англосаксонскихъ монетъ въ разныхъ этихъ областяхъ опредѣляютъ раздѣленія и связи этихъ бассейновъ между собою, — бассейновъ: великорусско-азіатскаго, литовско-бѣлорусско-украинскаго и польско-украинскаго съ присоединеніемъ теперь румынской области Прута.

Но почти въ каждомъ изъ этихъ рѣчныхъ бассейновъ и по каждой изъ этихъ между-рѣчныхъ линій, природа помѣстила — по одному по два условія пертурбаціи отношеній. Такъ, начиная отъ колѣна Нѣмана, примѣрно отъ Гродна, по линіи на Торунь по Вислѣ и далѣе по теченію Присны она помѣстила рядъ нѣкогда почти непроходимыхъ болотъ и мелкихъ озеръ, который отдѣляли поляковъ собственной польской равнины отъ ихъ поморскихъ братьевъ на столбко, что политическій союзъ ихъ между собою почти никогда не существовалъ сколько нибудь прочно. Поморяне находились въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ по морю и по сушѣ съ западомъ, чѣмъ съ единоплеменнымъ имъ югомъ, — и за тѣмъ были подчинены съ этого запада нѣмецкому вторженію, которое превратило ихъ въ „померанцевъ“ и лишило польское племя Балтійскаго моря между Одеромъ и Вислой. На востокъ отъ устья Вислы такія же, если не худшія, болота совсѣмъ не пускали польской колонизаціи къ морю, а предоставили заболотную страну колонизаціи по-нѣманскихъ (по-русскихъ) нѣманъ-прусовъ, литовцевъ, которыхъ тщетно силились одолѣть первые польскіе короли и князья верхне и средневислянского округа. Желаніе сломить здѣсь литовцевъ, усиленное католическою политикою, заставило этихъ польскихъ князей пригласить сюда нѣмцевъ же, — которые положили на литовской землѣ зерно государства, со временемъ словаваго саму Польшу, — и, распространяясь далѣе по поморью, захватили и Ригу, на устьѣ рѣки, которая течетъ долго въ бѣлорусской области, по потомъ, перешедши тоже линію болотъ и мелкихъ озеръ, втекаетъ въ область литовскую же (латышей). Соперничество полоцкихъ бѣлорусовъ съ латышами и латышей съ эстами, какъ и соперничество поляковъ и литовцевъ, — помогаетъ утвержденію пришлыхъ нѣмцевъ на всемъ южномъ берегу балтійскаго моря, во всѣхъ пунктахъ, которые составляютъ ис-

ходныя точки великихъ между-бассейныхъ коммуникаціонныхъ линій: въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Ригѣ. Международныя отношенія на балтійскомъ побережьи такимъ образомъ слишкомъ усложнились, къ явной невыгодѣ поляковъ, литовцевъ, бѣлорусовъ, — требуя отъ нихъ, для своего улаживанья, слишкомъ большихъ нравственныхъ ресурсовъ.

Нелегкія условія оказались и на южныхъ концахъ этихъ линій, по берегу Чернаго моря. Тутъ полоса степей, все распространяющаяся по направленію къ востоку, привлекаетъ съ востока кочевниковъ, которые нѣсколько разъ отрѣзываютъ украинскую колонизацію отъ Чернаго моря и по временамъ почти уничтожаютъ великое торговое значеніе Днѣпра, едва сохраняя транзитную линію отъ Данцига на Варшаву, Галичъ или (Львовъ), Галацъ, которую и стремятся поляки отобрать у украинцевъ, ослабленныхъ натискомъ кочевниковъ.

Такимъ образомъ географическо-историческія условія странъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями вели къ тому, что народы тамошніе, будучи отталкиваемы отъ морскихъ береговъ, должны были наталкиваться одинъ на другой къ явной своей невыгодѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что оттирасые съ запада нѣмцами поляки еще въ X—XI в. нападаютъ на украинскую Галицію, а оттирасые отъ черноморскихъ степей волинцы въ XII—XIII ст. ведутъ истребительную войну съ нѣманскими лтвягами и литовцами, на которыхъ въ свою очередь нападаютъ и поляки. Но окончательное бѣдственнымъ для всѣхъ оказывается этотъ взаимный напоръ народовъ въ Днѣпровско-Нѣманско-Вислянской области послѣ того, какъ поляки окончательно терпятъ передъ нѣмцами Поморье и область Одера и начинаютъ рѣшительно искать себѣ вознагражденія на Востокѣ, т. е. съ половины XIV в.

А между тѣмъ временно на восточной европейской равнинѣ были установлены отношенія между племенами, довольно выгодныя для нихъ самихъ и для цивилизаціи вообще. Съ XIII в. установились тѣсныя федеративныя связи между нѣманскими литовцами и двинско-днѣпровскими бѣлорусами; въ XIV в. въ этотъ союзъ входятъ и припечско-днѣпровскіе, деснанскіе украинцы, — и союзное государство Гедиминовичей успѣваетъ отбить отъ татаръ бугско-днѣпровскую Подолію и довести славянскую колонизацію до самаго Чернаго моря, — до земли старыхъ тиверцевъ и улучей, гдѣ въ началѣ XV в. является гавань Ходжибей, (нынѣшняя Одесса), которая уже тогда посылаетъ хлѣбъ въ Византію. Тѣмъ часомъ оживляются итальянскія колоніи на Черномъ морѣ, въ то время какъ на балтійскомъ находится въ полномъ цвѣтѣ союзъ городовъ ганзейскихъ, который черезъ Ригу входитъ въ тѣсную связь съ городами бѣлорусскими.

Обширная, съ значительнымъ развитіемъ довольно свободной городской жизни, держава Гедиминовичей даетъ собою образецъ культурнаго бѣлорусско-украинскаго государства съ довольно естественными границами (бассейны Нѣмана, Двины и Днѣпра) и представляетъ опору для болѣе свобод-

ныхъ и культурныхъ элементовъ и великороссійской области (Рязани, Твери, Новгорода), угрожаемыхъ Москвою, которую московскій ученый (проф. Буслаевъ) называетъ полудикимъ, полутатарскимъ военнымъ лагеремъ. Просуществовъ подобныя отношенія два-три столѣтія и вся судьба Востока Европы была бы совсѣмъ иная, конечно болѣе счастливая, чѣмъ теперь. Но равновѣсіе было нарушено движеніемъ на Востокъ Польши, а также захватомъ береговъ Чернаго моря турками. Последнее имѣло значительное вліяніе на окончательное утвержденіе такъ называемой уніи Литвы съ Польшей въ 1569 г. Эту унію и до сихъ почти всѣ польскіе историки и политики зовутъ братскимъ союзомъ трехъ народовъ (Польши, Литвы и Руси), хотя собственно въ одной тогдашней Литвѣ было три народа (литовцы, бѣлоруссы, неправильно называемые Литвой, и украинцы, или „Русь“) и, что еще важнѣе, — хотя унія 1569 г. была собственно раздѣломъ федераціи, основанной Гедиминовичами, и подчиненіемъ южной, украинской, части ея Польшѣ, — такъ какъ за Литвою, — которой сохранены были нѣкоторыя, второстепенныя автономныя права, оставлены были только собственно — литовскія и бѣлорусскія области, — а Украйна-Русь (Волинь, Кіевъ и Черниговъ) были прямо присоединены къ числу мало-польскихъ воеводствъ безъ всякой цѣльной областной, или національной автономіи и цѣльнаго представительства. За злополучною уніею политическою 1569 г. послѣдовала не менѣе злополучная унія церковная 1596 г.

Совокупность этихъ уній показала, что тогдашніе польскіе политики взяли на себя, — сознательно, или нѣтъ, — задачу, которая была совсѣмъ не по силамъ Польшѣ. Во первыхъ, поставивъ столь обширный край въ зависимость отъ польской короны, а южныя области даже въ прямое ей подчиненіе, они брались удовлетворить всѣмъ политическимъ нуждамъ края, начиная отъ внѣшней его защиты, — главнымъ образомъ отъ Турціи. Во вторыхъ Польша взялась распространить на край, котораго социальный строй былъ совсѣмъ не похожъ на польскій, — свои социальныя порядки, признававшіе, внѣ городовъ, только два класса населенія: шляхту и подчиненное ей посполство. На первыхъ порахъ литовская, особенно украинская мелкая шляхта была довольна полученіемъ правъ польской шляхты, уравнивавшихъ ее юридически съ магнатами. Но на Украинѣ сложился новый классъ вооруженныхъ людей, казаки, которые пожелали и себѣ уравниваться въ правахъ съ шляхтой. А за казаками и крестьянство, еще далеко не подчиненное панамъ какъ въ Польшѣ, особенно въ близкихъ къ степямъ мѣстахъ, считало себя достойнымъ той же вольности. Польскому правительству пришлось или признать шляхетскія права за всѣмъ населеніемъ Украины, или же попробовать сразу подчинить громадную массу народа ничтожному мепшннству. Стефанъ Баторій попробовалъ выдѣлить изъ массы казаковъ 6000 человекъ, дать имъ шляхетскія права, — а остальныхъ повернуть въ посполство,

—которое должно было подчиниться шляхтѣ. Но изъ этаго проекта, который долго выставлялся и польскими, и русскими писателями, какъ благодѣтельное дарованіе правъ казакамъ, вышла только путаница: шляхта не признавала правъ новыхъ своихъ товарищей,—непопавшіе въ реестры казаки не хотѣли обращаться въ посполство, а посполство все хотѣло быть казаками, т. е. вольными и самоуправляющимися людьми. Отсюда рядъ казацко-польскихъ войнъ съ конца XVI до 1/2 XVII ст.

Въ довершеніе всего, религіозная унія была явнымъ приступомъ не только къ окотоличенію, но и къ ополяченію мильоновъ бѣлоруссовъ и украинцевъ и какъ разъ въ то время, когда начатая въ городахъ (Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Острогѣ, Кіевѣ, и др.) правильная школьная наука, не чуждая и вліяній европейскаго вѣка возрожденія и реформации, пробудила въ мѣстномъ обществѣ,—особенно въ мѣщанскомъ,—сознаніе національное и традиціи національной независимости,—и когда значительная часть населенія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи отпала въ протестантство. Очевидно, что унія Бѣлоруссіи и Украины съ Польшей,—и то исключительно политическая,—могла бы удержаться только тогда, когда бы эта унія была дѣйствительно федеральною,—на сколько возможна была федерація уже шляхетской Польши съ еще разношерстно-феодалными Литвою и Бѣлоруссіей и довольно демократичной Украиной. Но польскіе политики хотѣли не федераціи, а ассимиляціи,—а потому приготовили распаденіе уніи, которое должно было увлечь къ гибели и самую Польшу, уже слишкомъ притянутую къ восточнымъ областямъ и оттянутую отъ болѣе естественныхъ ей союзовъ съ Силезіей, съ Чехіей и Венгріей,—гдѣ тѣмъ часомъ успѣлъ пустить корни польскій элементъ, который долженъ былъ возобновить наступленіе и на новую Польшу.

Какъ неизбежная реакція непрактичной централистической программы Польши относительно Литвы, Бѣлоруссіи и Украины явилось центробѣжное стремленіе,—причемъ дипатическія и церковныя традиціи, а также потребность въ союзникѣ, заставили центробѣжные элементы обратить взоры на Москву. Уже при первомъ натискѣ Польши на Литву, Сѣверщина колебалась и потянулась къ Москвѣ. Затѣмъ католическая политика Ягеллоновъ, хотя въ началѣ и слабая,—послужила для Ивана III, московскаго, предлогомъ придать характеръ крестоваго похода своей войны съ Новгородомъ, когда этотъ послѣдній призвалъ себя князя изъ Литвы,—что въ XIV в. дѣлали не разъ Псковъ, и Новгородъ, не возбуждая ни въ комъ опасенія за неприкосновенность православія. Послѣ брестской уніи Москва явилась естественнымъ приближеннымъ надеждъ православной интеллигенціи, а дальше и казаковъ, и посольства украинскаго и мѣщанъ бѣлорусскихъ. Переговоры съ Москвой о поступленіи всего „русскаго“ народа подъ высокую царскую руку изъ подъ „польской неволы“ начались за долго до Богдана Хмельницкаго и переяславской

уніи 1654 г. Практически дѣло началось съ того, что на востокъ отъ границъ новой Польши, на порожнихъ и номинально принадлежащихъ Москвѣ земляхъ,—образовалась повал, слободская Украина, которая собственно привела въ непосредственное соудѣство старую Украину съ Московіей,—а дальше и вся старая Украина рѣшила въ Переяславѣ приступить „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“. Польша сама своего немѣлостію подарила обширную провинцію своему будущему могущественному сопернику.

Но теперь наступила очередь немѣлости за Московію,—которая тоже не была въ состояніи иначе отнестись къ новымъ провинціямъ, какъ по своему шаблону. Польскіе политики прикладывали къ Бѣлоруссіи и Украинѣ мѣрку шляхетской республики и католической административной нетерпимости; московскіе стали примѣнять къ нимъ аршинъ боярской монархіи и нетерпимости православно-обрядовой.

Людямъ, которые приходятъ въ восторгъ отъ „русскаго единства“, установленнаго московско-петербургскимъ царствомъ на развалинахъ Польши въ 1773-1796 гг. (хотя и съ потерей Галиціи), слѣдовало бы почаще думать, отчего это единство не установилось въ 1654-1657 гг., когда вся Украина была въ возстаніи противъ Польши за Москву и когда бѣлорусскіе города до самой Вильны отворили свои ворота московскому царю?—Не почему другому, какъ потому, что Москва—была Москва и не могла себя представить иной жизни, кромѣ своей, московской. Начать съ того, что Москва, какъ теперь Россія, была всегда болѣе разбухшею, чѣмъ дѣйствительно-великою, внутренне-сильною державою. Къ ней всегда были примѣнимы слова представителей ея южныхъ провинцій, сказанныя на земскомъ соборѣ 1641 г.: „а разорены мы пуще (нежели отъ) турецкихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою, отъ неправды и отъ неправедныхъ судовъ“,—а потому она неспособна была къ большому финансовому напряженію, необходимому для того, чтобы сразу покончить съ поднятымъ вопросомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ московскіе люди не въ состояніи были сойтись съ людьми, которымъ они должны были помогать освободиться отъ чужой державы, напр. нѣкогда Польши, потомъ Турціи. Какъ тупоголовы были московскіе политики въ моментъ, когда Украина обращалась къ ихъ „союзу и протекціи“, видно изъ того манифеста, съ которымъ обратился Алексѣй Михайловичъ къ православнымъ жителямъ Польши и Литвы, вступая въ ихъ предѣлы въ 1654 г.: „и вы бы, православные христіане, освободились отъ злыхъ (отъ зла, „нечестія“ церковнаго), въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько вась Господь Богъ на то доброе дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раздѣленіе съ Поляками сотворите, какъ вѣрою, такъ и чиномъ (наружностью), *хохлы, которые у васъ на головахъ постригите*..“*)

*) О возможности привлечь на свою сторону и протестантовъ въ Москвѣ и подумали, а между

При такой обрядовой тупости, которую повторяютъ и на нашихъ глазахъ московскіе славянофилы, гдѣ же было москвичамъ, не говоримъ уже понять мѣстные политическіе и культурные интересы присоединившихся къ нимъ народовъ, но попросту ужиться съ ними въ ежедневной жизни. И дѣйствительно, едва сошлось московское войско съ украинскими казаками, какъ мы встрѣчаемъ жалобы послѣднихъ на то, что москвичи имъ рѣжутъ „хохлы“ и всячески издѣваются надъ ними. Прибавьте къ этому холопско-монархическія попятія, по которымъ московскій посолъ Купаковъ огорчился, и въ чужѣ, какъ это смѣлъ Богданъ Хмельницкій отвѣтить королю по просту „*гаразд, кролю, мовиш*“,—и при этомъ „вѣжества и учтивости“ никакія словесныя и ни въ чомъ по учинилъ,—холопско-монархическія привычки, которыя тѣмъ паче должны были возмущаться, когда уже поддавшіеся „православному царю“ украинцы смѣли называть себя „вольными“, а не „вѣчными“ подданными царя. Прибавьте къ такимъ холопскимъ понятіямъ естественное ихъ дополненіе—пахальство ближайшаго къ царю холопа, которое заставило воеводу Хитрово говорить казакамъ объ ихъ выборномъ челоуѣкѣ: „опъ, вашъ полковникъ (непечатныя слова). Я су тутъ отъ государя посланъ болѣе всѣхъ, а вы (непечатное слово) всѣ подчертъ!.. Вспомните также неизбежное въ деспотіяхъ отношеніе чиновника къ стражѣ, которой ему поручено управлять, отношеніе, по которому воевода кн. Борятинскій говорилъ: „ѣхать де мнѣ вскорѣ къ Москвѣ; послѣ де мене въ Кіевѣ, хотя и трава не рости“.—Соборазите все это, и вы поймете, почему не могло состояться во времена Богдана Хмельницкаго „единство русское“,—и почему уже черезъ четыре-пять лѣтъ послѣ приступа Украины „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“ сербъ Крижаншчъ засталъ у украинцевъ сильную „политичную ересь, что жить подъ преславнымъ царствомъ московскимъ горше турецкой муки и египетской работы“,—и почему, не успѣвъ еще окончить споръ между Московію и Польшею за обладанье Подиѣпровьемъ, какъ среди самаго подиѣпровскаго населенія явились партіи, которыя предпочитали православной Москвѣ даже уже испытанную Польшу или мусульманскую Турцію.

Украинскіе историки не щадятъ своихъ предковъ, выставляя аристократическія идеи у казацкихъ либераловъ и федералистовъ отъ Виговскаго до Мазепы,—но не уравнивали (благодаря цензурѣ) эти недостатки антимосковскихъ партій яркимъ изображеніемъ прелестей московской политики и ея предательства относительно Запорожья и черни, поддержавшей Москву изъ ненависти къ папству, хотя бы и либеральному. Московскіе же историки съ удовольствіемъ подхватываютъ обвиненіе демократовъ противъ „измѣнниковъ“ Москвѣ, но не считаютъ нужнымъ примѣнять и къ послѣдней какого бы то ни было логическаго критеріума:

тѣмъ литовскіе и бѣлорусскіе протестанты еще въ XVI в. заключили союзы съ православными противъ католической политики.

у нихъ все дурно, что идетъ противъ царя и централизаціи, и все хорошо, что изъ нея исходитъ, — а потому во всей крови, пролитой отъ смерти Богдана Хмельницкаго до паденія Мазепы, у нихъ выходятъ виноваты только украинцы, особенно привыкшіе къ „шатости“ и буйству казаки. Но въ тогдашней драмѣ участвовалъ еще одинъ элементъ, котораго почему то не принимаютъ во вниманіе, хотя факты о немъ можно найти и у адвоката Москвы, С. М. Соловьева. Элементъ этотъ — бѣлорусскіе мѣщане, — не военные люди, не бунтари по промыслу, — а люди труда, а если хотите, то и капитала, люди и не безъ школьной науки. Бѣлорусскіе города сначала охотно переходили на сторону Москвы, при чемъ порознь заключали съ нею договоры, подобныя тѣмъ, какіе заключали украинскіе казаки разомъ за всю Украину. Такъ напр. жители города Могилева въ 1654 г. выговорили себѣ: волю по прежнему управлять по магдебургскому праву, носить одежду по прежнему, не ходить на войну, не быть выселяемымъ въ другіе города, освобожденіе отъ военныхъ постоевъ, выборъ своихъ шаферовъ для заведыванія приходами и расходами въ городѣ, держаніе школъ по образцу кievскому и т. п. (Соловьевъ, Ист. Россіи, X, 321) Подобныя условія были заключены и другими бѣлорусскими городами. И что же, — прошелъ всего годъ, — и бѣлоруссы говорили, что они „вмѣсто лучшаго въ пуцую неволю попали“: города стали „изымать“ одинъ за другимъ, — а могилевцы устроили настоящую Сичливскую Вечерню, перебивъ въ 1661 г. семитысячный московскій гарнизонъ (за что въ 1706 г. Петръ Великій, — который было сначала самъ сказалъ могилевскому войту, что „тогда Москва дурна была“, — отпустилъ городу, приказавъ своимъ солдатамъ и калмыкамъ зажечь его съ четырехъ концовъ).

Крестьяне бѣлорусскіе въ свою очередь сначала охотно возставали противъ Польши, такъ что поляки-современники жаловались, что „мужики очень имъ враждебны; вездѣ на царское имя сдаютъ и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; надобно опасаться чего нибудь въ родѣ казачьей войны“. И дѣйствительно скоро цѣлые уѣзды въ Могилевскомъ воеводствѣ „показались“. Но московское правительство, въ расчетъ на то, что оно завладѣетъ краемъ, предпочитало имѣть дѣло съ неорганизованными и безправными хлопами, чѣмъ съ казаками и потому само остановило развитіе казачества въ Бѣлоруссіи, ссылаясь на то, что по старымъ польскимъ правамъ и договорамъ здѣсь не положено было быть казакамъ.

И такъ значитъ, не одни буйные и сволочные украинскіе казаки не могли ужиться съ московскимъ „порядкомъ“ — и вовсе не одна „шатость“ украинскіхъ людей, а деспотизмъ и безидейность Москвы были причиною, почему она не могла совершить въ XVII в. „раздѣла Польши“, который, будучи собственнo только ампутаціей отъ Польши не польскихъ земель, которыми она оказалась не въ состояніи управлять, быть можетъ спасъ бы самостоятельное существо-

ваніе остальныхъ, чисто-польскихъ земель. Разъ оказавшись не въ состояніи удержать за собою симпатіи населеній Литвы, Бѣлоруссіи и Украины, московскіе политики должны были вступить въ переговоры съ польскими о томъ, какъ бы хотъ подѣлиться ими да при этомъ сообща укротить не поддающийся безусловно ни Польшѣ, ни Москвѣ казачій элементъ.

Оба государства заключили наконецъ въ 1667 г. договоръ, по которому Москва отказалась отъ Бѣлоруссіи и Правобочной Украины, чтобы вѣрнѣе управиться съ Украиной Лѣвобочной. Этотъ договоръ, котораго первымъ послѣдствіемъ было обращеніе Правобочной Украины подъ покровительство Турціи, вскорѣ былъ подтвержденъ генеральными договорами съ Турціей и Польшей, по которымъ половина Правобочной Украины (почти вся теперешняя Кіевская губернія и часть Подольской) была осуждена оставаться пустынею между тремя державами, чтобы каждая изъ нихъ могла управиться съ остальными своими владѣніями, не будучи безпокоима непокорными казаками. Этотъ „раздѣлъ“ Украины былъ смертнымъ ударомъ ея самостоятельному развитію, на которое налегли Польша, Москва и Турція, каждая по своему. Украинскіе подданные каждой державы рвались отъ нихъ и по неволѣ обращали взоры къ сосѣднему государству, — какъ напр. правобочный герой Палій, который тянулъ къ Москвѣ, въ то время, когда лѣвобочный гетманъ Мазепа тянулъ къ Польшѣ. Украинская интеллигенція, сокращавшаяся подъ ударами несправедливости, на которое была осуждена страна, лишаясь школъ, опустошеніемъ и политическою централизаціею, а также подъ вліяніемъ денационализаціи высшихъ классовъ, все болѣе теряла цѣлостность національно-политическаго идеала, — въ то время, какъ массы народа подпадали господству крѣпостнаго права польскаго, а потомъ и московскаго. Национальность украинская замерла до самаго XIX в., когда она была открыта горстью поэтовъ и ученыхъ, да и они получили себѣ точку опоры только послѣ освобожденія крестьянъ въ Галиціи и Буковинѣ въ 1848 г., въ остальной, большей части Украины въ 1861 г. Что касается до Бѣлоруссіи, то здѣсь московско-польско-шведскія войны совершенно опустошили города и между прочимъ истребили наиболѣе культурный, протестантскій элементъ, — который преслѣдовала московская оккупация при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ и при Иванѣ IV, — такъ что правительству польскому, которое получило обратно этотъ край, легко было заселить города ево евреями, а протестантскіе школы и учрежденія замѣнить иезуитскими и такимъ образомъ обратить бѣлорусскую націю исключительно въ жителей разбросанныхъ среди лѣсовъ деревень.

Польское государство, хотъ и лишилось лѣваго берега Днѣпра и Кіева, — не могло торжествовать, что отдѣлалось дешево отъ кризиса, поднятаго казачьими войнами: оно получило назадъ большую часть спорныхъ земель, да еще очищенные отъ оппозиціонныхъ элементовъ, при помощи самаго сво-

его соперника. Еще стоѣтіе владѣла Польша Бѣлоруссіей и Правобочной Украиной, довольно безпрепятственно, если не считать крестьянско-гайдамацкихъ волненій на юго-восточномъ концѣ послѣдней. Между тѣмъ такое полученіе обратно нѣкогда волновавшихся странъ было гибельно для самой Польши. Казачія возстанія заставляли многихъ поляковъ относиться критически къ политикѣ своего правительства и быть можетъ указали бы большинству польскаго общества на необходимость серьезныхъ реформъ въ странѣ. Теперь же ничто не напоминало объ ихъ необходимости и польское общество уснуло, предоставивъ своей олигархіи, иезуитамъ и евреямъ обрабатывать Украину, Бѣлоруссію съ Жмудью и, конечно, и самую Польшу. А между тѣмъ окончательно обработать не только Украину, но даже совсѣмъ разбитую Бѣлоруссію польская политика все таки была не въ силахъ. Еще менѣе она была въ силахъ удержать эти провинціи отъ захвата Москвы, которая во всякое время могла воспользоваться тѣвшею въ нихъ ненавистью къ польскому государству.

Это отсутствіе цѣльной національно-политической программы въ Украинѣ и Бѣлоруссіи и слѣдовательно ошибочной программѣ со стороны Польши очень было на руку Москвѣ, — какъ государству, все болѣе и болѣе ставшему завоевательнымъ, особенно послѣ того, какъ присоединеніе Украины и голоса кіевскихъ ученыхъ показали ему перспективу возможности овладѣть всѣмъ прежнимъ достояніемъ дома св. Владиміра, и съ тѣхъ поръ, какъ по присоединеніи Украины же, стали доноситься къ нему и черезъ украинцевъ, и прямо, голоса запрутскихъ и западнскихъ христіанъ, приглашавшіе Москву взять на себя роль разрушителя и Турціи. Москва по прежнему не имѣла широкой политико-соціальной программы, способной привлечь и сразу упрочить за нею присоединеніе столь обширныхъ и разнообразныхъ странъ, недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей. Но за чѣмъ же присоединять сразу, когда можно присоединить по немножку, и за чѣмъ ломать голову надъ политико-соціальными программами, когда одна ненависть могущихъ быть присоединенными земель, противъ правящихъ ими системъ, можетъ одна облегчить присоединеніе?! Вмѣсто политики дѣйствительно политической и соціальной Москва развиваетъ у себя политику военно-дипломатическую. Кой какъ поправивши послѣдствіе ослабленія русскаго элемента на берегахъ Балтійскаго моря черезъ разрушеніе Новгорода „мудрою“ политикою двухъ грозныхъ централизаторовъ, Ивановъ III и IV, и утвердившись вновь на берегахъ Невы, Москва принимается за Турцію и Польшу, — при чемъ, правда, въ войнахъ съ первою подвигается медленно, потому что долго не можетъ опираться на украинскую колонизацію, опустошенную „мудрыми“ договорами конца XVII в. и первымъ разореніемъ Сѣчи въ 1709 г., — но все таки подвигается, — къ удовольствію и Украины, которая получаютъ таки чрезъ 300 лѣтъ берега Чернаго

моря. Что до Польши, то это кусокъ вѣрный, — падо только постараться какъ можно больше удержать изъ него для себя, при дѣлѣхъ съ западными соперниками. Но па то и существуетъ дипломатія.

Какъ и слѣдовало ожидать, всего куска получить Москвѣ не удалось; — дѣлѣхъ состоялся, и при томъ такъ, что бывшій вассалъ славянской Польши получилъ добрые куски славянскихъ земель, — а одно изъ достойнѣйш. Владиміра получила королева Венгрии, впускъ которой сталъ императоромъ Австрійскимъ. Но не мало „губерній возвратилось“ отъ Польши и къ Москвѣ, — хотя, — новое торжество логики! — въ этихъ губерніяхъ пришлось удовлетворять польскихъ пановъ утвержденіемъ и развитіемъ крѣпостнаго права надъ „возсоединеннымъ православнымъ населеніемъ!“ Какъ бы тамъ ни было, — а послѣ этихъ присоединеній на Востокъ Европы образовалась имперія, „превосходящая по величинѣ Римскую въ самыя ея цвѣтущія эпохи.“ И эта имперія образовалась на развалинахъ соединенныхъ Литвы и Польши и единственно благодаря польскому ихъ соединенію!

Само собою разумѣется, что столь обширная и такимъ способомъ образовавшаяся имперія не могла быть ни свободною, ни благоустроенною. Когда въ XVII в. московскіе князья всѣми правдами и неправдами соединили подъ своимъ скипетромъ все великорусское населеніе, они почувствовали необходимость, для какого нибудь благоустройства своихъ старыхъ и новыхъ вотчинъ, созывать земскіе соборы. Земскіе же совѣты и соборы спасли національную независимость Великороссіи и въ эпоху самозванцевъ. Конечно, и цари московскіе со временемъ должны были, подобно другимъ государямъ Европы, постараться обходиться безъ созванія этихъ, всегда неудобныхъ для претендующей на самодержавіе власти, совѣтниковъ, которые естественно стремятся перейти въ контролеровъ. И дѣйствительно, къ концу XVII в. земскіе соборы въ Москвѣ все становятся рѣже и рѣже, — подобно тому, какъ въ это время ослабляется значеніе такихъ же собраний и въ другихъ большихъ государствахъ Европы, кромѣ Англіи, въ которой парламентъ укрѣпляетъ свою силу двумя революціями. Но совершенно уничтожить всякій слѣдъ представительныхъ учреждений государи не успѣли нигдѣ въ западной Европѣ и, конечно, не успѣлибы уничтожить его и въ Московскомъ государствѣ, если бъ оно сохранило болѣе цѣльный національный составъ и не стало столь завоевательнымъ, — тѣмъ болѣе, что кромѣ болрскаго либерализма, проявившагося при случаѣ попыткою ограничить власть Анны Ивановны, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка въ купеческой и въ расколынической средѣ ходили идеи о необходимости „народосовѣтія“. Но съ постепенно возрастающимъ количествомъ не великорусскихъ провинцій, которыя въ добавокъ еще стояли выше по культурѣ, чѣмъ провинціи „коренныя“, — съ украинцами и бѣлоруссами на епископскихъ кафедрахъ, которыя должны были обезоруживать національно-старовѣрческую оппозицію,

— съ возрастаніемъ разнонаціональнаго элемента въ шляхетской бюрократіи, — земскіе соборы и вообще совѣщающееся съ населеніемъ управленіе стало затруднительнымъ. По мѣрѣ расширенія московскаго царства, ставшаго Петербургскою, Россійскою имперіей, государственная машина должна была все больше и больше принимать видъ организма съ гипертрофіей вѣдомствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, всегда и вездѣ наиболѣе уклоняющихся отъ общественнаго контроля, особенно контроля предварительнаго. Бюрократія въ администраціи, и диктатура въ политикѣ стали неизбѣжными формами въ государственной жизни обширной имперіи. Сначала администрація имѣла до извѣстной степени децентрализованный характеръ, принаравливаясь къ разнообразнымъ условіямъ новоприсоединенныхъ странъ, — болѣе впрочемъ къ ихъ болѣзненнымъ условіямъ, которыя можно было эксплуатировать въ интересахъ политической централизаціи. Такъ напр. петровская администрація покровительствовала аристократическому нѣмецкому элементу въ Остзейскомъ краѣ передъ народнымъ, эсто-латышскимъ, который было начало поднимать шведское правительство, — а въ то же время въ Малороссіи старалось эксплуатировать въ свою пользу нерасположеніе черни противъ казацкой старшины. Такъ администрація Екатерины II считала нужнымъ въ новоприсоединенной Бѣлорусіи покровительствовать польской аристократіи, чтобъ парализовать вліяніе на нее демократическаго патриотизма Костюшки и въ то же время не дать соблазна соседнимъ великорусскимъ крестьянамъ относительной вольностью бѣлорусскихъ крестьянъ. При нѣкоторомъ либеральномъ вліяніи, идя далѣе въ томъ же направленіи, можно было дать парламентское правленіе Финляндіи и Конгрессовой Польшѣ, чтобъ сначала отдѣлить ихъ отъ Швеціи и польскихъ земель подъ Пруссіей и Австріей, а потомъ уже стѣснить дальнѣйшее развитіе автономныхъ учреждений Финляндіи и совѣтъ ихъ отмѣнить въ царствѣ Польскомъ. Мало по малу, — когда политическая централизація брала верхъ, когда автономныя партіи теряли свою центробѣжную силу, — бюрократія должна была принять направленіе рѣшительно централистическое, инвेलирующее, обрусительное. Направленіе это намѣчено вполне сознательно уже нѣмкою Екатериной II, — которая писала въ инструкціи генералъ-прокурору, кн. Вяземскому: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся подтвержденными имъ привилегіями; нарушить опылъ отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма не пристойно бѣ было, однакъжъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть болѣе, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сии провинціи, также Смоленскую, надложитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу.“ Мы были свидѣтелями, какъ эти слова стали лозунгомъ Катковыхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ, — и основой цѣлаго ряда государственныхъ мѣропріятій центра-

листическаго и обрусительнаго характера.

Между этими мѣропріятіями было нѣсколько такихъ, которыя имѣли демократическій оттѣнокъ. Весьма многіе склонны думать, будто бюрократически-централизованная диктатура способна болѣе ужиться съ демократическими интересами, нежели автономный либерализмъ, который будтобы благопріятствуетъ интересамъ аристократіи. Но даже оставляя въ сторонѣ примѣры, въ самой Россіи, въ которой диктатура помогала именно развитію аристократіи, — (въ Остзейскомъ краѣ, въ западныхъ провинціяхъ, въ Украинѣ, Крыму, на Кавказѣ, у юговосточныхъ инородцевъ,) можно доказать примѣромъ другихъ государствъ, Франціи, и самой недавней Россіи, что играющій въ демократію цезаризмъ только до тѣхъ поръ боролся съ аристократіей, пока она не отрекалась отъ политической независимости, и не обращалась въ его слугу; — въ послѣднемъ случаѣ онъ сейчасъ же предавалъ ей демось, если не заводилъ себѣ новую аристократію. И въ недавнее время въ Россіи мы видимъ какъ недолговѣчно было въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ теченіе императорской демократіи, — Милютина съ Черкасскимъ, Муравьева и Безака; да и то еще вопросъ, было ли бы и оно возможно безъ того либерально-домократическаго движенія, какое проявлялось и въ русскомъ и въ польскомъ обществѣ передъ 1863 г.?

Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что только свобода и самоуправленіе можетъ быть прочной гарантіей послѣдовательнаго развитія демократической политики. Деятельное столѣтіе показало не мало людей и среди поляковъ, и среди великоруссовъ, которые желали приложить къ политикѣ своихъ странъ начала свободы и демократіи. Бѣда была только въ томъ, что имъ не удалось найти такую формулу для той и другой, которая бы вполне подходила къ реальнымъ условіямъ странъ, составлявшихъ бывшую Польшу и нынѣшнюю Россію. Для того, чтобъ найти эту формулу, надо совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ традиціонныхъ политическихъ идей и привычекъ мысли, какъ польскихъ, такъ и великорусскихъ, — да и вообще вмѣсто инстинктовъ, традицій и привычекъ поставить въ основу политики *изученіе*, въ данномъ случаѣ прежде всего изученіе особенностей тѣхъ странъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Никогда въ XIX ст. не было такъ возможно установленіе здравой политики въ Россіи съ польскими ея областями, какъ въ 1860—1863 гг., — но никогда такъ же ярко и не обнаружилось и въ польскомъ, и въ великорусскомъ обществѣ отсутствіе необходимаго отрѣшенія отъ традиціонныхъ взглядовъ и отсутствіе изученія тѣхъ странъ, которыя составляютъ предметъ спора между такъ называемою Польшею и такъ называемою Россіей. Мы это постараемся показать въ слѣдующихъ глѣвахъ.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка. В первой главѣ статьи: „Историческая Польша и великорусская демократія“, на 3-ей стр. № 3 „Вольного Слова“ напечатано: „Но вмѣстѣ съ тѣмъ поляки не выступаютъ изъ прежней своей программы отдѣленія отъ Россіи“. Слѣдуетъ читать: „Но вмѣстѣ съ тѣмъ поляки не выступаютъ и съ прежнею своею программой — отдѣленія отъ Россіи“.

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

I.

Если вѣрить теоретикамъ и публицистамъ буржуазіи, то можно придти въ отчаяніе за дальнѣйшую судьбу человѣчества. По ихъ мнѣнію, всѣ общественныя устои колеблются, всѣ общественныя связи и двигатели прогресса, не сегодня—завтра, могутъ погибнуть въ общемъ хаосѣ дикихъ страстей и абсолютной анархіи. Разложеніе стараго общества, нравственно и умственно обезсиленнаго и развращеннаго эксплуатаціей массъ, критика старыхъ формъ общежитія и развившихся подъ ихъ вліяніемъ идеаловъ — всѣ эти явленія сливаются въ мозгу этихъ писателей въ безразличную массу симптомовъ окончательнаго разрушенія нашей цивилизаціи. Признаки возрожденія человѣчества къ новой, болѣе полной жизни вызываютъ въ нихъ судорожныя представленія о смерти. Между тѣмъ, стоитъ только отрѣшиться отъ сословныхъ предразсудковъ и чувствъ привилегированнаго меньшинства, и передъ глазами мыслящаго человѣка раскрывается величественная картина процесса созиданія элементовъ новой, гораздо болѣе высокой ступени цивилизаціи. Каждое новое изобрѣтеніе, каждое усовершенствованіе въ сферѣ промышленной, въ средствахъ сообщенія, въ наукѣ — все это, помимо воли и сознанія индивидуумовъ и общественныхъ группъ, подготавливаетъ элементы и условія новыхъ формъ общежитія. Но значительная доля работы въ преобразовательномъ процессѣ современныхъ условій жизни выполняется и сознательными усиліями заинтересованныхъ въ этомъ преобразованіи общественныхъ элементовъ.

Во всѣ переходныя эпохи человѣчества, когда какое нибудь общество стояло на перепутьи между старымъ, отжившимъ общественнымъ строемъ и новымъ, долженствовавшимъ его замѣнить, передовыми борцами за новый строй являлись тѣ изъ общественныхъ группъ, которыя больше остальныхъ ощущали гнетъ окружающихъ условій жизни и яснѣе всѣхъ представляли себѣ идеалъ болѣе справедливаго порядка вещей. Въ настоящее время наиболѣе сознательными и страстными противниками существующихъ общественныхъ отношеній и наиболѣе пылкими поперами высокихъ общечеловѣческихъ идеаловъ являются пролетаріи промышленныхъ центровъ. Вотъ почему они стоятъ во главѣ освободительнаго движенія трудящихся массъ Западной Европы и Америки и являются фокусомъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ преобразовательныя стремленія нашей эпохи.

Рабочее движеніе является такимъ образомъ какъ бы воплощеніемъ всей совокупности сознательныхъ стремленій и усилій нашей эпохи къ переходу на болѣе высокую ступень цивилизаціи. Наиболѣе заинтересованные въ социальныхъ преобразованіяхъ, рабочіе классы воспримчивѣе всѣхъ прочихъ къ новымъ идеямъ, какъ положительнымъ, такъ и отрицательнымъ. Болѣе чуткіе къ противорѣчіямъ современной цивилизаціи, основанной на безпримѣрномъ въ исторіи богатствѣ производительныхъ силъ и на эксплуатаціи ихъ незначительнымъ меньшинствомъ, пролетаріи передовыхъ странъ энергичнѣе прочихъ общественныхъ элементовъ настаиваютъ на необходимости социальныхъ преобразованій, выдѣляютъ изъ своей среды теоретиковъ и публицистовъ подвергающихъ беспощадной критикѣ современный строй, и тѣмъ самымъ привлекаютъ вниманіе лучшихъ философовъ и публицистовъ изъ имущественнаго класса къ интересамъ низшихъ слоевъ и къ идеаламъ, воодушевляющимъ ихъ.

Эмансипаціонное движеніе пролетаріата, какъ совокупность преобразовательныхъ усилій нашей эпохи, проявляется въ весьма разнообразныхъ формахъ. Дѣло въ томъ, что всѣ факты и явленія общественной жизни такъ взаимно обуславливаются и до такой степени переплетаются другъ съ другомъ, что разъ болѣе коренные изъ нихъ вызвали противъ себя борьбу, логика вещей приведетъ и къ критикѣ остальныхъ, хотя бы только производныхъ факторовъ. Экономически господствующій классъ выработалъ систему политическихъ учреждений, гарантирующихъ ему подчиненіе эксплуатируемыхъ массъ, систему религиозныхъ, нравственныхъ и философскихъ идей, соответствующихъ и его сословнымъ интересамъ и его культурнымъ привычкамъ. И если назначеніе политическихъ учреждений — насильственно охранять существующія экономическія отношенія, то религія въ свою очередь можетъ выполнять функцію охраненія современнаго порядка, тѣмъ, что освѣщаетъ послѣдній передъ народомъ какъ вѣчное проявленіе божественной премудрости. Неудивительно поэтому, что рабочее движеніе направляетъ свои удары и противъ государства и противъ церкви. Но критикуя и борясь противъ экономическихъ, политическихъ и религіозно-нравственныхъ идеаловъ и учреждений, выработанныхъ вѣками, вожди пролетаріата выдвигаютъ на ихъ мѣста новыя, положительные идеалы будущаго, опираясь на данныя социальной науки и философіи индивидуальнаго и общественнаго развитія. Такимъ образомъ эмансипаціонное движеніе пролетаріата проявляетъ въ себѣ двойную тенденцію: разрушительную и творческую. И обѣ эти тенденціи проявляются и въ прессѣ и въ жизни. Союзы самообразованія для уясненія себѣ смысла и значенія новыхъ идеаловъ, кооперативныя общества, ассоціаціи взаимной помощи, возможно болѣе демократическая организація мѣстныхъ и національныхъ рабочихъ партій — таковы нѣкоторыя формы проявленія въ жизни творческой дѣятельности передо-

вой части пролетаріата для подготовленія въ массахъ конкретныхъ представленій о лучшихъ формахъ жизни и привычекъ къ общежитію, основанному на равенствѣ, братствѣ и широкомъ самоуправленіи гражданъ.

Агитація противъ наиболѣе вопиющихъ проявленій несправедливости современнаго строя — митинги, демонстраціи, стачки и т. п. — вотъ формы проявленія въ жизни разрушительныхъ тенденцій рабочаго движенія.

Глубина, разносторонность и отбѣнки движенія зависятъ, конечно, отъ мѣстныхъ условій, степени интеллектуальнаго развитія и свойствъ темперамента рабочихъ обществъ. Но въ извѣстныхъ предѣлахъ, эмансипаціонное движеніе пролетаріата отличается повсюду только что упомянутой двойной тенденціей — подрывать въ теоріи и на практикѣ основы существующихъ формъ цивилизаціи, съ одной стороны, выработать и распространять положительные идеалы новаго общества, группировать свои силы для самообразованія и воспитанія въ себѣ привычекъ къ самопомощи и самоуправленію, съ другой стороны.

Въ послѣдующихъ письмахъ мы ближе познакомимся съ конкретными проявленіями этихъ тенденцій. Теперь же мы остановимся на избирательной агитаціи во Франціи, какъ на позитивнѣе характерномъ явленіи рабочаго движенія.

Фактически, или точнѣе, на первый взглядъ социалистическая партія понесла на выборахъ пораженіе. Ни одного своего кандидата она не провела. Мало того, въ Парижѣ, этомъ очагѣ французскихъ революцій, общее число голосовъ, поданныхъ за социалистическихъ кандидатовъ, достигло всего цифры 17,000. Точные результаты изъ провинцій еще не дошли. Если мы, однако, внимательнѣе вдумаемся въ причины такого результата, то едва ли мы будемъ вправѣ судить о дѣйствительной численности приверженцевъ социализма во Франціи. Еще задолго до выборовъ, и вожди французскаго социализма, и нѣмецкая социалистическая пресса предсказывали неудовлетворительный исходъ предстоявшей избирательной агитаціи. Дѣло въ томъ, что передовая часть французскаго пролетаріата всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ окончательно отбѣлилась отъ крайнихъ политическихъ фракцій буржуазіи и организовалась въ самостоятельную партію. Если принять во вниманіе ту массу крови, которую французскій пролетаріатъ пролилъ за водвореніе республики, и традиціи, связанныя съ воспоминаніями о борьбѣ за нее, то станетъ понятно, какія трудности должна преодолѣвать юная социалистическая партія Франціи въ своихъ усиліяхъ организовать пролетаріатъ, какъ совершенно самостоятельную силу, вѣи республиканскихъ идеаловъ. Крайне трудно отрѣшиться массѣ рабочихъ отъ той мысли, что даже и радикальная республика сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ рѣшенія социального вопроса и что выразители этого идеала работаютъ гораздо больше на пользу буржуазіи, чѣмъ на пользу рабочаго сословія. Нужно еще и то сказать, что среди этой партіи находятся люди съ